

УДК 168.2

DOI: 10.15372/PS20220404

В.А. Сухарева**К ВОПРОСУ О ДЕМАРКАЦИИ МЕЖДУ АБСТРАКТНЫМИ
И КОНКРЕТНЫМИ СУЩНОСТЯМИ**

Статья посвящена проблеме демаркации между абстрактными и конкретными сущностями. В первой ее части обосновывается тезис о внутренней вариативности пространственно-временного критерия демаркации между абстрактными и конкретными сущностями, а также анализируются некоторые разновидности этого критерия. Во второй части демонстрируется, каким образом вариативность пространственно-временного критерия может влиять на определение статуса отдельных сущностей. Рассматриваются два примера сущностей, которые одними авторами интерпретируются в качестве абстрактных, а другими – в качестве конкретных, а именно затрагивается проблема нульмерных материальных объектов, а также вопрос об онтологическом статусе возможных миров.

Ключевые слова: абстрактные объекты; конкретные объекты; пространственно-временной критерий; нульмерные материальные объекты; возможные миры

V.A. Sukhareva**ON DEMARCATION BETWEEN ABSTRACT
AND CONCRETE ENTITIES**

The article deals with the problem of demarcation between abstract and concrete entities. In its first part, the thesis about the internal variability of the spatiotemporal criterion of demarcation between abstract and concrete entities is substantiated, as well as some variants of this criterion are analyzed. The second part of the article shows how various forms of the spatiotemporal criterion can influence the determination of the status of individual entities. We consider two examples of entities, which some authors view as abstract entities, while other authors view as concrete ones. Namely, we address the problem of zero-dimensional material objects and the issue of the ontological status of possible worlds.

Keywords: abstract objects; concrete objects; spatiotemporal criterion; zero-dimensional material objects; possible worlds

В современной аналитической философии, и в особенности в современной аналитической метафизике, активно используется
© Сухарева В.А., 2022

дистинкция абстрактного и конкретного. Многие актуальные проблемы и вопросы формулируются или проявляются в терминах различия абстрактных и конкретных объектов, абстрактных и конкретных сущностей. Поэтому естественным образом создается впечатление, что различие между абстрактным и конкретным является своего рода примитивным, или базовым, различием, не требующим дополнительных разъяснений, беспроблемной точкой отсчета для перехода к более сложным, комплексным вопросам.

Однако уже при рассмотрении имеющихся в литературе определений абстрактных и конкретных сущностей обнаруживается осязательный разброс подходов и позиций, которые заметно разнятся между собой с точки зрения соотношения объемов понятий «абстрактное» и «конкретное», отдельных смежных понятий, а также в некоторых других более или менее существенных аспектах. Вследствие таких, пусть даже незначительных на первый взгляд, расхождений в определениях абстрактного и конкретного возникают споры относительно статуса отдельных феноменов, чья природа исследуется или проясняется в терминах различия между абстрактным и конкретным, а также допускается двоякая трактовка некоторых сущностей (т.е. одни авторы рассматривают эти сущности в качестве абстрактных объектов, а другие – в качестве конкретных). Поэтому проблема демаркации между абстрактным и конкретным требует более обстоятельного изучения.

В данной статье проблема демаркации будет рассмотрена с двух сторон. В первой части статьи мы рассмотрим ее со стороны анализа имеющихся в литературе определений. Во второй части мы разберем два примера сущностей, допускающих двоякую трактовку, а именно затронем проблему нульмерных материальных объектов, а также вопрос об онтологическом статусе возможных миров.

1

Для начала отметим, что существует немало работ, представляющих собой попытки классифицировать различные подходы к осмыслению и интерпретации дистинкции абстрактного и конкретного, а также дать оценку адекватности и успешности¹ этих

---

¹ Показательно, что все перечисленные подходы оцениваются упомянутыми авторами как в той или иной мере неудачные.

подходов. Например, Дэвид Льюис в работе «О множественности миров» [5, р. 81–86] выделяет четыре подхода к интерпретации дистинкции абстрактного и конкретного: 1) через простое перечисление образцовых примеров абстрактных и конкретных сущностей; 2) через дистинкцию индивидов и множеств, партикулярий и универсалий; 3) через пространственно-временные свойства и отношения, причинно-следственные отношения, неразличимость (тождественность/нетождественность дубликатов); 4) через процедуру абстракции. Гэри Розенкранц в работе «Этовость: Онтологическое эссе» [14, р. 56–68] выделяет уже шесть подходов к интерпретации дистинкции абстрактного и конкретного: 1) через пространственные свойства и отношения; 2) через движение и внутренние изменения; 3) через необходимость/случайность существования; 4) через экземплифицируемость; 5) через способ схватывания; 6) через причинно-следственные отношения. Сэм Коулинг в работе «Абстрактные сущности» [2, р. 69–105] представляет еще более развернутую классификацию подходов: 1) редукционистские подходы: а) через локализованность в пространстве-времени; б) через причинно-следственные отношения; в) через необходимость/случайность существования; г) через сложность структуры (наличие/отсутствие частей); д) через неразличимость (тождественность/нетождественность дубликатов); е) через способность/неспособность инстанцировать фундаментальные свойства; 2) примитивизм (использование предиката «быть абстрактным» в качестве примитивного предиката); 3) элиминативизм (отрицание всякой теоретической ценности дистинкции абстрактного и конкретного).

Как видно, представленные в этих работах подходы достаточно многочисленны и разнообразны. Однако в действительности это многообразие еще больше увеличивается за счет того, что *каждый из выделяемых способов определения абстрактного и конкретного фактически имеет множество иногда несовместимых и не всегда очевидных вариаций*. Представляется, что эта имплицитная вариативность внутри, казалось бы, одного и того же способа определения абстрактного и конкретного является неожиданным, но щедрым источником путаницы (путаницы, которая, с одной стороны, всецело оправдывается инструменталистским подходом к работе с понятиями, однако, с другой стороны, приводит к тому, что отдельные теории оказываются *имплицитно* взаимонепереводимыми). Попробуем продемонстрировать это на примере одного из наиболее попу-

лярных критериев демаркации абстрактных и конкретных сущностей, а именно на примере пространственно-временного критерия.

Итак, рассмотрим некоторые варианты используемых в литературе определений абстрактных и конкретных сущностей, полученных с помощью использования пространственно-временного критерия. Часть определений – для простоты и удобства изложения – мы разберем во второй части статьи при непосредственном анализе позиций соответствующих авторов относительно сущностей со спорным статусом. Здесь также важно отметить, что отдельные авторы применяют сразу несколько способов определения абстрактного и конкретного, рассматривая их либо как тождественные, либо как альтернативные. При этом основная часть используемых определений не обладает достаточной строгостью, а потому не позволяет получить исчерпывающее представление обо всех интересующих нас аспектах соотношения абстрактного и конкретного. Более того, некоторые авторы ограничиваются разбором только одной из двух категорий (либо только абстрактных сущностей, либо только конкретных сущностей), что оставляет слишком широкое поле для возможных интерпретаций. Такая явная небрежность в определении может быть засчитана в качестве еще одного аргумента в пользу гипотезы о том, что современные исследователи опираются преимущественно на интуитивные представления о различиях между абстрактным и конкретным.

Наиболее развернутые определения обоих понятий можно найти у Эдварда Лоу в его работах «Метафизика абстрактных объектов» [10] и «Возможность метафизики: сущность, тождество и время» [11, р. 51, 211]. Э. Лоу выделяет три основные (и, с его точки зрения, наиболее распространенные в литературе) трактовки абстрактности. Первая из них как раз опирается на критерий наличия/отсутствия у объекта пространственно-временных характеристик. В соответствии с первой трактовкой абстрактности термин «абстрактный» используется как противоречащий термину «конкретный». Конкретные сущности определяются как сущности, которые существуют в пространстве или во времени (или, как пишет Э. Лоу, «что равносильно тому же», имеют причины/следствия²).

---

² Э. Лоу, по сути, отождествляет наличие/отсутствие причин и следствий с наличием/отсутствием пространственно-временных характеристик. Здесь имеет смысл сделать пару небольших замечаний относительно возможных оснований для такого отождествления. Дело в том, что причины и следствия обычно относятся к категории

Абстрактные сущности, соответственно, определяются как *неконкретные сущности* – сущности, которые не существуют ни во времени, ни в пространстве (в интерпретации Э. Лоу это означает, что они не могут иметь, т.е. с необходимостью не имеют, сущностных пространственно-временных свойств и не могут вступать в сущностные пространственно-временные отношения).

Вторая и третья трактовки абстрактности не предполагают противопоставления абстрактных сущностей конкретным и допускают наличие у абстрактных сущностей по крайней мере сущностных пространственных свойств. Так, в соответствии со второй трактовкой, абстрактная сущность понимается как сущность, которая неспособна существовать независимо (отдельно) от какой-либо другой сущности или сущностей (даже если она может быть мысленно отделена, абстрагирована от этой сущности. Абстрактными в этом смысле являются, например, модусы объектов, такие как цвет или форма. В соответствии с третьей трактовкой, абстрактная сущность понимается как сущность, образуемая в результате применения того или иного принципа абстракции (речь идет о принципах абстракции в смысле Г. Фреге). Здесь образцовым примером абстрактных сущностей являются объемы понятий, которые вводятся печально известным основным законом V в «Основных законах арифметики» Г. Фреге. Впоследствии Э. Лоу отбрасывает третью трактовку абстрактности как слишком проблематичную [11, р. 219] (в связи с проблемой отделения приемлемых принципов абстракции от неприемлемых). При этом явный приоритет он отдает первой трактовке.

Тимоти Уильямсон в работе «Модальная логика как метафизика» [17, р. 6–8] дает некоторые краткие пояснения относительно соотношения абстрактных и конкретных сущностей. Он, к сожалению, не предлагает строгих определений и строгих критериев разграничения конкретных и абстрактных сущностей, но перечисляет несколько допустимых альтернативных спецификаций понятия

событий (см. например, [3; 14, р. 57]). События же, в свою очередь, считаются конкретными сущностями прежде всего потому, что они локализованы в пространстве и времени. В этом отношении можно сказать, что определение конкретного через каузальность является вторичным и вытекает из определения конкретного через пространственность и темпоральность. Более того, альтернативными категориями, к которым отдельные авторы, критикующие обычный подход, относят причины и следствия, являются факты и свойства, которые, в свою очередь, являются абстрактными. И в этих случаях определение конкретного через каузальность попросту некорректно.

«конкретный», к которым относятся материальность, существование в пространстве, существование во времени, наличие причин, наличие следствий.

Позиция Т. Уильямсона относительно соотношения абстрактного и конкретного отличается от изложенной выше позиции Э. Лоу. Так, Т. Уильямсон полагает, что понятия «абстрактное» и «конкретное» нельзя рассматривать как противоречащие понятия. Он подчеркивает, что ошибочно считать равнозначными понятия «неконкретное» и «абстрактное», «конкретное» и «неабстрактное». Понятия «абстрактное» и «конкретное», согласно Т. Уильямсону, в действительности являются противоположными понятиями: некоторые объекты могут не быть ни абстрактными, ни конкретными, но при этом ни один объект не может быть одновременно и абстрактным, и конкретным, а также ни один объект не может быть конкретным в один момент времени (в одних возможных обстоятельствах) и абстрактным в другой момент времени (в других возможных обстоятельствах).

Объекты, которые не подпадают ни под категорию абстрактных сущностей, ни под категорию конкретных сущностей, Т. Уильямсон называет *сугубо возможными конкретными объектами*. Это такие объекты, которые не являются конкретными в актуальном мире, но являются конкретными в некотором другом возможном мире³. Формулируя концепцию сугубо возможных конкретных объектов, Т. Уильямсон опирается на статьи Б. Лински и Э. Залты [7; 8], которые были одними из первых, кто представил эту идею. Б. Лински и Э. Залта называют такие объекты *контингентно неконкретными*⁴ объектами.

Введение в онтологию контингентно неконкретных объектов, в сущности, решает вполне определенную задачу – позволяет отождествить конкретные и актуальные сущности, что, в свою очередь, дает возможность построить модель для квантифицированной модальной логики с фиксированным доменом и, таким образом, представить ее актуалистскую (несесситистскую в случае Т. Уильямсона) интерпретацию. Поскольку позиция Б. Лински и Э. Залты является актуалистской, постольку в их концепции контингентно

---

³ Пример Т. Уильямсона: когда айсберг тает, он не становится абстрактным объектом, он всего лишь перестает быть конкретным.

⁴ Конкретность для Б. Лински и Э. Залты равнозначна локализованности в пространстве и времени.

неконкретные объекты (наряду с конкретными и абстрактными) являются актуальными объектами. Т. Уильямсон, в свою очередь, отказывается от концептуальной рамки спора актуализма и возможности и заменяет ее на концептуальном противопоставлении спора нессцитизма и контингентизма, поэтому его концепции сугубо возможные конкретные объекты не являются актуальными.

Эндрю Бреннан в работе «Условия тождества» [1, р. 34] также указывает на два альтернативных способа определения конкретного, один из которых является определением через пространственно-временные характеристики. В соответствии с этим способом определения быть конкретным – значит существовать в пространстве и времени, а именно *находиться во взаимно-однозначном соответствии с множеством точек пространства-времени*. В соответствии со вторым способом определения быть конкретным – значит иметь следствия и подвергаться действию причин (или, что то же самое, быть следствием или быть причиной).

Что касается понятия абстрактного, то Э. Бреннан не дает его прямого определения, но предлагает считать понятия абстрактного и конкретного антонимами (opposite). В этом смысле в соответствии с первым способом определения быть абстрактным означает существовать вне пространства и времени. В соответствии со вторым способом определения абстрактность означает невозможность быть причиной и невозможность быть следствием.

Относительно логического смысла антонимии понятий абстрактного и конкретного нет *достаточной* ясности, хотя в целом создается впечатление, что речь все же идет об отношении противоречия, а не об отношении противоположности. У Э. Бреннана присутствует любопытное разграничение абстрактного и невоплощенного (disembodied) [1, р. 241], которое он кратко поясняет на примере чисел. Так, числа, бесспорно, являются абстрактными объектами, однако они не являются невоплощенными, потому что в принципе не могут быть воплощены (т.е. к числам принципиально неприменимы категории воплощенности/невоплощенности). К сожалению, более подробного анализа соотношения понятий абстрактного/конкретного и воплощенного/невоплощенного Э. Бреннан не предпринимает. В частности, вопрос о существовании и о статусе невоплощенных конкретных объектов (остаются ли такие объекты конкретными, или становятся абстрактными, или же их следует относить к некоторой третьей категории, как, например, предлагает

Т. Уильямсон...) Э. Бреннан почти полностью обходит стороной, за исключением короткого комментария о том, что понятие существования бестелесных сущностей не имеет особого смысла. Вероятно, этого комментария недостаточно, чтобы сделать решительный вывод о том, что Э. Бреннан не допускает существования невоплощенных конкретных объектов. Однако из него по крайней мере ясен общий скептицизм Э. Бреннана в отношении таких сущностей.

Наконец, рассмотрим, как понимает дистинкцию абстрактного и конкретного Эйстейн Линнебо [6, р. 45]. Если опираться на классификацию трактовок абстрактности Э. Лоу, то можно отметить, что для Э. Линнебо абстрактная сущность – это прежде всего сущность, образуемая в результате применения того или иного принципа абстракции. Однако вопрос о пространственно-временных свойствах все же играет в концепции Э. Линнебо свою роль при определении статуса объекта.

Так, Э. Линнебо вводит любопытное различие между *чистыми абстрактными объектами* и *квазиконкретными объектами*. И те, и другие, с точки зрения Э. Линнебо, являются абстрактными. Однако чистые абстрактные объекты не просто не локализованы в пространстве и времени, но также полностью лишены каких-либо внутренних отношений к пространству и времени, т.е. в принципе не могут иметь сущностных пространственных и временных свойств. Примерами таких объектов являются числа и чистые множества. Квазиконкретные объекты также не локализованы в пространстве и времени, однако могут иметь канонические реализации в пространстве и времени, т.е. могут обладать по крайней мере сущностными пространственными свойствами. Примерами таких объектов являются буквы и геометрические фигуры, имеющие канонические реализации в виде токенов букв и конкретных фигур соответствующей формы.

Очевидно, что Э. Линнебо проводит различие между локализацией в пространстве и наличием пространственных свойств. Иными словами, согласно Э. Линнебо, можно иметь пространственные свойства (например, форму), но не быть фактически локализованным в пространстве. По-видимому, критерием конкретности/абстрактности является как раз фактическая локализованность/нелокализованность в пространстве. В этом отношении возникает закономерный вопрос: как быть с другими физическими свойствами? Может ли объект, обладающий физическими свойствами, считаться абстрактным, если он не локализован в пространстве-времени?

Проводя различие между чистыми абстрактными объектами и квазиконкретными объектами, Э. Линнебо опирается на статью Ч. Парсонса «Математическая интуиция» [12], в которой тот формулирует концепцию схватывания абстрактных математических объектов в терминах концепции типов и токенов. Согласно Ч. Парсонсу, типы являются абстрактными объектами (потому что они не имеют пространственно-временной локализации), даже если их токены – конкретные (например, физические) объекты. В этом случае ответ на наш вопрос должен быть *положительным* в следующей формулировке: типы, токены которых являются физическими объектами, действительно являются абстрактными объектами. При этом, по-видимому, по крайней мере основная часть сущностных свойств типа и сущностных свойств его токенов (как и сам способ обладания свойствами) должны совпадать (подробнее см. в [16]); базовое различие между типом и его токенами сводится к тому, что тип, в отличие от его токенов, не локализован в пространстве-времени.

Итак, определения абстрактного и конкретного, рассмотренные через призму пространственно-временного критерия, действительно демонстрируют явную вариативность целого ряда существенных характеристик, таких как соотношение объемов понятий абстрактного и конкретного, неконкретного и актуального, а также подразумеваемый смысл формулировок «существовать в пространстве-времени», «иметь пространственно-временные свойства» и т.п. То есть можно констатировать, что существует несколько разновидностей пространственно-временного критерия демаркации абстрактных и конкретных сущностей.

2

Теперь перейдем к рассмотрению примеров сущностей, обладающих заведомо спорным статусом либо допускающих двоякую трактовку (т.е. рассматриваемых одними авторами в качестве абстрактных объектов, а другие – в качестве конкретных объектов). Начнем с проблемы нульмерных материальных объектов, а затем рассмотрим вопрос об онтологическом статусе возможных миров.

Нульмерные материальные объекты. Итак, ключевой для многих авторов критерий, позволяющий определить, является сущность абстрактной или конкретной, – наличие у этой сущности про-

странственно-временных свойств и отношений. Но что можно сказать о статусе самого пространства-времени или его частей? Являются ли точки и области пространства-времени конкретными объектами?

В соответствии с традиционным представлением мгновения времени, а также точки и области пространства считаются образцовыми примерами конкретных сущностей (см., например, [14, р. 56]). Однако это представление сопряжено с рядом трудностей.

Одной из таких трудностей является проблема самопредикации, которая может возникнуть или не возникнуть в зависимости от того, насколько легитимны вопросы типа «обладает ли само пространство-время или его части пространственно-временными свойствами?» или «располагается ли само пространство-время или его части в пространстве-времени?» и как мы на эти вопросы ответим.

Проблема самопредикации представляет опасность в тех случаях, когда пространственно-временной критерий конкретизируется через отношение, не являющееся рефлексивным на множестве частей (например, областей или точек) пространства-времени. Нам видится, что проблема самопредикации актуальна не для всех существующих и возможных разновидностей пространственно-временного критерия. В частности, пространственно-временной критерий, используемый Э. Бреннаном (быть конкретным – значит находиться в во взаимно-однозначном соответствии или даже совпадать с множеством точек пространства-времени), очевидно, позволяет избегать проблемы самопредикации. И напротив, пространственно-временной критерий, используемый Э. Линнебо (быть конкретным – значит быть фактически *локализованным, или расположенным*, в пространстве-времени), в применении к областям пространства-времени порождает проблему, связанную с необходимостью объяснить смысл отношения локализации (расположенности), и при определенных интерпретациях этого отношения имеет довольно высокие шансы столкнуться с проблемой самопредикации (например, когда отношение локализации, расположенности интерпретируется в духе дуалистического субстантивализма – как отношение между вместилищем и содержимым).

Другая, гораздо менее очевидная, трудность связана с тем, что рассмотрение точек пространства-времени в качестве конкретных сущностей накладывает ограничения на выбор теории экзemplификации свойств. Данное затруднение является следствием аргументации Дэниэла Гибермана, представленной в его статье «Против

нульмерных материальных объектов» [4]. Коротко изложим основные положения его подхода.

Как следует из названия статьи, непосредственным предметом исследования Д. Гибермана являются *материальные объекты*, а именно возможность существования нульмерных материальных объектов. Однако аргументация Д. Гибермана косвенно затрагивает и вопрос о конкретности точек пространства-времени, поскольку по его мнению, понятие «конкретные объекты» является родовым по отношению к понятию «материальные объекты». Так, конкретные объекты Д. Гиберман определяет как объекты, находящиеся в пространственно-временных отношениях, а материальные объекты – как конкретные объекты, которые могут иметь различные внутренние (нереляционные) или натуральные (*sparse*) свойства, например заряд, массу и т.п.

Вслед за Д. Гиберманом отметим, что целый ряд авторов *принимают* тезис о том, что нульмерные материальные объекты возможны, и в частности что точки пространства-времени можно считать материальными объектами. Так, например Дэвид Льюис считает, что натуральные свойства могут проявляться на уровне точечных объектов – точек пространства-времени. По мнению Дэвида Армстронга, атомарные положения дел могут конституироваться точечными индивидами и точечными инстанциями универсалий. Теодор Сайдер утверждает, что точки либо сами являются фундаментальными носителями фундаментальных свойств, либо содержат в себе такие носители. Согласно Джонатану Шафферу, материальные объекты и есть области пространства-времени.

Другие авторы, в том числе сам Д. Гиберман, принимают противоположный тезис – тезис о том, что точки пространства-времени нельзя считать материальными объектами, потому что нульмерные материальные объекты невозможны. Для Д. Гибермана тезис о возможности существования нульмерных материальных объектов неприемлем, потому что этот тезис влечет нежелательные следствия с точки зрения выбора теории экземплификации свойств, в частности вынуждает принять одну из двух нежелательных для Д. Гибермана альтернатив: либо признать, что существуют неприемлемые для теории пучков нульмерные инстанции свойств, либо признать, что существуют чистые партикулярии, и тогда верной теорией оказывается неприемлемая для Д. Гибермана теория чистых партикулярий.

Аргументация Д. Гибермана против возможности существования нульмерных материальных объектов направлена исключительно на то, чтобы показать, что точки пространства-времени не являются *материальными объектами*. В задачу Д. Гибермана очевидным образом не входит доказательство того, что точки пространства-времени не являются *конкретными объектами*. Однако точки пространства-времени по определению нульмерны. Кроме того, точки пространства-времени так или иначе выступают носителями свойств и отношений, включая геометрические, мереологические, а также – согласно современным физическим теориям – физические⁵ свойства. Это значит, что даже если мы не будем считать точки пространства-времени материальными объектами, а будем считать их только конкретными объектами, нам все равно придется определять их либо в терминах нульмерных инстанциаций свойств, либо в терминах теории чистых партикулярий (как чистые партикулярии, экземплифицирующие некоторые свойства). Поэтому аргументация Д. Гибермана идет дальше, чем заявляет он сам. И если мы в целом согласны с его позицией, прежде всего с его подходом к выбору теории экземплификации свойств (и особенно с критикой теории чистых партикулярий), то нам, скорее всего, придется отказаться от того, чтобы считать точки пространства-времени конкретными сущностями. Вопрос о том, следует ли тогда признать точки пространства-времени абстрактными сущностями, требует дополнительного исследования.

Возможные и невозможные миры. Позиция, в соответствии с которой возможные миры вместе с населяющими их индивидами рассматриваются в качестве конкретных объектов, – это знаменитая позиция модального реализма Дэвида Льюиса. В рамках модального реализма другие возможные миры считаются такими же реальными, как и актуальный мир. Каждый возможный мир представляет собой конкретный объект, который, в свою очередь, состоит из других конкретных объектов, находящихся друг с другом в пространственно-временных отношениях. Индивиды в других возможных мирах обладают таким же полным конкретным существованием, как и ин-

---

⁵ В квантовой теории поля, а также в общей теории относительности поля определяются как физические состояния пространства-времени, и физические свойства полей считаются свойствами пространства-времени (см., например, [15, p. 142]).

дивиды в актуальном мире. Но при этом все возможные миры изолированы друг от друга (как и от актуального мира) в пространстве и времени, а также каузально.

В основе льюисовского модального реализма лежит среди прочих допущение о том, что могут существовать *неактуальные объекты* (т.е. такие объекты, которые не являются частями актуального мира), а также что *неактуальные конкретные объекты* могут считаться конкретными объектами в полном смысле этого слова⁶. Однако данное допущение принимается далеко не всеми авторами.

Противоположную позицию занимает, в частности, Алвин Плантинга. Позиция А. Плантинги характеризуется как позиция модального актуализма, согласно которой все существующее существует актуально и признавать существование неактуальных объектов недопустимо, поскольку это противоречит нашей естественной идее существования.

Возможные миры в рамках модального актуализма А. Плантинги рассматриваются как максимальные возможные положения дел. Различие между актуальным миром и другими возможными мирами понимается как различие между соответственно положениями дел, которые имеют место, и положениями дел, которые не имеют места. Поскольку положения дел традиционно относятся к категории абстрактных объектов (см., например, [9, p. 157]), постольку возможные миры в концепции А. Плантинги являются абстрактными объектами. Актуальный мир здесь не исключение, он у А. Плантинги также понимается как абстрактный объект: «актуальный мир является абстрактным объектом. Он... не является ни конкретным объектом, ни мереологической суммой конкретных объектов... полностью лишен пространственных частей» [13, p. 144]. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: правильно ли трактовать приведенные слова А. Плантинги как указание на используемый им критерий демаркации абстрактного и конкретного?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего отметим, что онтология модального актуализма А. Плантинги включает в себя как положения дел, так и индивидов, обладающих свойствами. Причем если все положения дел являются абстрактными объектами, то индивиды, в свою очередь, могут быть как абстрактными, так и конкретными.

---

⁶ Ср. с концепцией сугубо возможных конкретных объектов Т. Уильямсона и с концепцией контингентно неконкретных объектов Б. Лински и Э. Залты.

Предположим теперь, что критерий демаркации абстрактных и конкретных индивидов, используемый А. Плантингой, действительно опирается только на основание наличия/отсутствия у индивидов пространственных частей (см. цитату выше). Основной тезис модального актуализма А. Плантинги заключается в том, что все возможные миры конструируются из объектов, которые существуют в актуальном мире. Этот тезис, в свою очередь, подразумевает, что в актуальном мире существуют даже те индивиды, которые в нем фактически не реализованы. Фактически нереализованные индивиды существуют в актуальном мире как абстрактные объекты, представляющие собой сумму свойств этих объектов. Однако наличие пространственных частей является свойством. Таким образом, мы приходим к противоречию: один и тот же индивид может быть абстрактным объектом и одновременно обладать свойством «иметь пространственные части», которое делает данного индивида конкретным объектом. Следовательно, наличие/отсутствие пространственных частей не может быть *единственным* или *главным* основанием для деления объектов на абстрактные и конкретные в рамках концепции А. Плантинги.

В чем же тогда заключается основное различие между абстрактными и конкретными объектами в концепции А. Плантинги?

Важное следствие модального актуализма А. Плантинги – разотождествление материального мира, состоящего из конкретных физических объектов, и актуального мира, который выступает абстрактным объектом. Основанием этого разотождествления является различие между контингентностью существования первого и необходимостью существования второго. Необходимым существованием обладают объекты, которые существуют во всех возможных мирах, и к таким объектам А. Плантинга относит числа, свойства, чистые множества, пропозиции, положения дел (следовательно, сами возможные миры) и Бога [13, р. 148]. Как видно, в данный перечень вошли только образцовые примеры абстрактных объектов. Поэтому разумно предположить, что главным критерием демаркации абстрактного и конкретного в модальном актуализме А. Плантинги все же являются соответственно необходимость или контингентность существования. Если это предположение корректно, тогда фактически нереализованные индивиды, обладающие свойством «иметь пространственные части», уже не смогут рассматриваться как абстрактные объекты.

Таким образом, альтернативой льюисовским неактуальным конкретным объектам становятся актуально существующие, но не реализованные (или не имеющие места) конкретные объекты А. Плантинги.

* * *

В качестве заключения попробуем сформулировать основные затруднения и проблемные моменты, возникающие при конкретизации различий между абстрактным и конкретным, вследствие которых становится возможным двоякая трактовка одних и тех же сущностей у разных авторов:

Во первых, *отсутствует согласие по вопросу о том, охватывают ли объемы понятий «абстрактный» и «конкретный» весь универсум сущностей*. Одни авторы склонны отвечать на этот вопрос положительно, другие – отрицательно. Причем данное расхождение во мнениях не является непосредственно очевидным и требует экспликации (которой отчасти и посвящена настоящая статья).

Во-вторых, *отсутствует ясность в вопросе о том, как должны соотноситься между собой граница между абстрактными и конкретными сущностями и граница между актуальными и неактуальными сущностями*. Одним из моментов, вызывающих наибольшее количество споров, является вопрос о соотношении понятий «конкретное» и «неактуальное», который реализуется в виде спора о возможности существования неактуальных конкретных сущностей.

В-третьих, *нет единого мнения относительно вопроса о соотношении границы между абстрактными и конкретными сущностями и границы между материальными и нематериальными сущностями*. В частности, согласно одним авторам, понятие «конкретное» является родовым для понятия «материальное». Другие авторы допускают существование неконкретных материальных объектов.

В-четвертых, представляется, что *деление на абстрактные и конкретные сущности не всегда применимо, а если применимо, то осуществляется по-разному для разных теорий экземплификации свойств*. Четыре основные реалистские теории экземплификации свойств выделяются в соответствии с четырьмя возможными комбинациями двух пар альтернативных позиций: универсалии vs тро-

пы, чистые партикулярии vs пучки. Из этих теорий деление на абстрактные и конкретные сущности адекватно работает только в теории чистых партикулярий⁷. В других теориях с этим делением возникают затруднения различной природы. Так, в теории тропов среди прочих проблем возникает проблема с абстрактными объектами, поскольку все тропы считаются конкретными сущностями. Различные версии реализации (или нереализации) деления на абстрактные и конкретные сущности возможны в теории пучков универсалий, поскольку для данной теории задача определения статуса универсалий является первоочередной и далеко не тривиальной.

В-пятых, *существует множество вариаций пространственно-временного критерия демаркации абстрактного и конкретного, причем этот факт не является непосредственно очевидным и требует экспликации*. Демонстрации наличия множества вариаций пространственно-временного критерия преимущественно и посвящена данная статья. Например, мы показали, что одни авторы интерпретируют наличие у объекта пространственно-временных свойств и отношений как фактическое присутствие этого объекта в пространстве и времени (такая интерпретация позволяет считать нереализованные физические объекты абстрактными), а другие понимают под наличием у объекта пространственно-временных свойств и отношений простое наличие пространственно-временных свойств в списке свойств объекта (такая интерпретация запрещает считать нереализованные физические объекты неконкретными). Одни авторы отождествляют существование в пространстве-времени с нахождением во взаимно-однозначном соответствии (или даже с совпадением) с множеством точек пространства-времени (такая интерпретация позволяет избежать проблемы самопредикации при определении статуса частей пространства-времени), а другие отождествляют существование в пространстве-времени с локализованностью, или расположенностью, в пространстве-времени (такая интерпретация имеет довольно высокую вероятность столкнуться с проблемой самопредикации при определении статуса частей пространства-

---

⁷ Теория чистых партикулярий предполагает, что материальный объект a экземплифицирует свойство F тогда, когда между a (чистой партикулярией) и F (универсалией) имеет место особое примитивное отношение инстанциации. В этом случае универсалия F является абстрактной сущностью, а материальный объект a , экземплифицирующий свойство F , – конкретной сущностью.

времени). Очевидно, что представленные различия в интерпретациях являются *критическими*.

Литература

1. *Brennan A.* Conditions of Identity: A Study in Identity and Survival. Oxford: Clarendon Press, 1988.
2. *Cowling S.* Abstract Entities. London: Routledge, 2017.
3. *Gallow J.D.* The Metaphysics of Causation // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Summer 2022 Edition. – URL: https://plato.stanford.edu/archives/sum_2022/entries/causation-metaphysics/ (дата обращения: 21.06.2022).
4. *Giberman D.* Against zero-dimensional material objects (and other bare particulars) // Philosophical Studies. 2012. Vol. 160, No. 2. P. 305–321.
5. *Lewis D.K.* On the Plurality of Worlds. Oxford: Blackwell, 1986.
6. *Linnebo Ø.* Thin Objects: An Abstractionist Account. Oxford: Oxford University Press, 2018.
7. *Linsky B., Zalta E.N.* In defense of the contingently nonconcrete // Philosophical Studies. 1996. №84. P. 283–294.
8. *Linsky B., Zalta E.N.* In defense of the simplest quantified modal logic // Philosophical Perspectives. 1994. Vol. 8. P. 431–458.
9. *Loux M.J.* Metaphysics: A Contemporary Introduction. London: Routledge, 1998.
10. *Lowe E.J.* The metaphysics of abstract objects // The Journal of Philosophy. 1995. Vol. 92, No. 10. P. 509–524.
11. *Lowe E.J.* The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time. Oxford: Clarendon Press, 1998.
12. *Parsons C.* Mathematical intuition // Proceedings of the Aristotelian Society. 1980. Vol. 80, No. 1. P. 145–168.
13. *Plantinga A.* Actualism and possible worlds // Theoria. 1976. Vol 42. P. 139–160.
14. *Rosenkrantz G.S.* Haecceity: An Ontological Essay. Dordrecht: Kluwer, 1993.
15. *Schaffer J.* Spacetime the one substance // Philosophical Studies. 2009. Vol. 145. P. 131–148.
16. *Wetzel L.* Types and Tokens // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2018 Edition. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/types-tokens/> (дата обращения: 23.07.2022).
17. *Williamson T.* Modal Logic as Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2013.

References

1. *Brennan, A.* (1998). Conditions of Identity: A Study in Identity and Survival. Oxford, Clarendon Press.
2. *Cowling, S.* (2017). Abstract Entities. London, Routledge.
3. *Gallow, J.D.* (2022). The Metaphysics of Causation. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Summer 2022 Edition. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum%2022/entries/causation-metaphysics/> (date of access: 21.06.2022).

4. *Giberman, D.* (2012). Against zero-dimensional material objects (and other bare particulars). *Philosophical Studies*, Vol. 160, No. 2, 305–321.
5. *Lewis, D.K.* (1986). *On the Plurality of Worlds*. Oxford, Blackwell.
6. *Linnebo, Ø.* (2018). *Thin Objects: An Abstractionist Account*. Oxford, Oxford University Press.
7. *Linsky, B. & E.N. Zalta.* (1996). In defense of the contingently nonconcrete. *Philosophical Studies*, 84, 283–294.
8. *Linsky, B. & E.N. Zalta.* (1994). In defense of the simplest quantified modal logic. *Philosophical Perspectives*, 8, 431–458.
9. *Loux, M.J.* (1998). *Metaphysics: A Contemporary Introduction*. London, Routledge.
10. *Lowe, E.J.* (1995). The metaphysics of abstract objects. *The Journal of Philosophy*, Vol. 92, No. 10, 509–524.
11. *Lowe, E.J.* (1998). *The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time*. Oxford, Clarendon Press.
12. *Parsons, C.* (1980). Mathematical intuition. *Proceedings of the Aristotelian Society*, Vol. 80, No. 1, 145–168.
13. *Plantinga, A.* (1976). Actualism and possible worlds. *Theoria*. 1976, 42, 139–160.
14. *Rosenkrantz, G.S.* (1993). *Haecceity: An Ontological Essay*. Dordrecht, Kluwer.
15. *Schaffer, J.* (2009). Spacetime the one substance. *Philosophical Studies*, 145, 131–148.
16. *Wetzel, L.* (2018). Types and Tokens // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2018 Edition. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/types-tokens/> (date of access: 23.07.2022).
17. *Williamson, T.* (2013). *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford, Oxford University Press.

Информация об авторе

Сухарева Виктория Алексеевна – Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (620141, Россия, Екатеринбург, ул. Тава-туйская, 2)

Siberian-pegas@yandex.ru

Information about the author

Sukhareva Victoria Alekseyevna – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (2, Tavatuyskaya st., Yekaterinburg, 620141, Russia)

Дата поступления 11.10.2022